

СОЦИОЛОГИЯ РЕГИОНОВ РФ

DOI: 10.19181/vis.2026.17.1.7
EDN: BWVLRC

Русский язык в полиэтничных регионах Юга России в нарративах экспертов: социетальное измерение¹

Ссылка для цитирования: Денисова Г. С., Клименко Л. В. Русский язык в полиэтничных регионах Юга России в нарративах экспертов: социетальное измерение // Вестник Института социологии. 2026. Том 17. № 1. С. 130–155. DOI: 10.19181/vis.2026.17.1.7; EDN: BWVLRC.

For citation: Denisova G. S., Klimenko L V. The Russian language in the multi-ethnic regions of Southern Russia in expert narratives: the societal dimension. *Vestnik instituta sotziologii*. 2026. Vol. 17. No. 1. P. 130–155. DOI: 10.19181/vis.2026.17.1.7; EDN: BWVLRC.

SPIN-код: 2658-8445

Денисова Галина Сергеевна¹

¹Южный федеральный университет,
Ростов-на-Дону, Россия

gsdenisova@sfedu.ru

SPIN-код: 9360-6618

Клименко Людмила Владиславовна¹

¹Южный федеральный университет,
Ростов-на-Дону, Россия

lvklimenko@sfedu.ru

Аннотация. В статье представлены результаты анализа экспертного опроса представителей академического сообщества, причастных к реализации и оценке языковой политики в четырех республиках Юга России (Кабардино-Балкарии, Адыгее, Дагестане и Калмыкии), население которых отличается полиэтничным составом, различным качественным состоянием национальных языков и вместе с тем массовым распространением русского. Актуальность затрагиваемой в работе темы обусловлена современными геополитическими вызовами консолидированности российского полиэтничного и поликонфессионального общества, с одной стороны, и недостаточно высокой символической ценностью достигнутого русско-национального билингвизма как важнейшего механизма этой консолидации – с другой.

¹ Исследование выполняется за счет гранта РНФ, проект № 25-28-00703.

Теоретико-методологической базой исследования послужили: концепция социетальной подсистемы общества Т. Парсонса и контруктивистский подход к языку, развиваемый В. Тишковым. Было выявлено, что все опрошенные эксперты признают: 1) прагматические функции русского языка и, прежде всего, функцию межкультурной коммуникации в качестве лингва франка в полиэтничной среде; 2) доминирующую роль русского языка во всех сферах социально-экономической жизни; 3) его преобладание в общении молодежи всех народов рассматриваемых республик; 4) восприятие населением расширения функции русского языка до социетальных масштабов. Вместе с тем доминирующим нарративом большинства экспертов выступает тревога за состояние национальных языков, их суженное воспроизводство и неконкурентоспособность в повседневной жизни. При этом роль русского языка в контексте обеспечения единого цивилизационного пространства России осталась не отрефлексированной. Его стереотипное восприятие как лингва франка затемняет исторический результат – достигнутую бинарную этническую идентичность для значительного большинства населения Юга России. Она стала возможной благодаря смысловой общности языков народов России, которая отражает общность культур российских народов и проявилась через роль русского языка в развитии национальных языков. Эту роль можно определить как социетальную. Без ее сознательного культивирования идентификационная функция русского языка сужается и редуцируется до конструирования политического (гражданского) аспекта российской идентичности, что воспроизводит дифференциацию идентичности индивида на этническую как «внутреннюю», «родную» и гражданскую (росийскую) как «внешнюю».

Ключевые слова: языковая политика, русский язык, национальный язык, социетальная функции, цивилизация, полиэтничный регион, Юг России

Введение

С момента формирования национальных государств актуальность приобрела языковая политика, направленная на интеграцию населения, разделенного этноконфессиональными границами. Известный российский языковед, академик В. М. Алпатов, писал, что языковая политика «сознательно или бессознательно заключается в большинстве государств в распространении и поддержании функций государственного языка» [2, с. 12], среди которых наибольшее значение имеет удовлетворение потребности граждан во взаимопонимании. Обычно триггером этого процесса выступает экономический интерес и хозяйственная жизнь людей [38]. Не менее значимой функцией любого языка является функция идентичности. С этой позиции языки определяются как «материнские» – «язык семейного общения», «родной язык». Они выступают средством выстраивания взаимодействия между поколениями и трансляции культурных смыслов этнической группы от «отцов» «детям». Благодаря этой функции происходит идентификация личности, ее самоопределение в поликультурной среде. Идентификационная функция языка сплачивает его носителей («наших») и обособляет их от всех остальных («чужих» и «других»).

В поликультурном государстве, для которого характерно многоязычие, указанные выше функции языка могут входить в противоречие, что неизбежно сказывается на его языковой политике, нацеленной на регулирование соотношений между государственным и всеми остальными языками. Культурная сложность современных государств определяет актуальность и универсальность проблемы языковой политики для всех стран. Как отмечал Г. Бреттон: «Язык – это самый взрывоопасный вопрос в мире и во все времена главным образом потому, что он, в отличие от всех других аспектов национализма и этноцентризма, так тесно связан с индивидуальным “Я”» [36, р. 447]. Опираясь на анализ исторической динамики языковой политики в СССР и современной России, академик В. А. Тишков показывает, что она сформировалась как взаимодействие доминирующего государственного (русского) языка при государственной поддержке других языков [27].

В начале 1990-х гг., в период «парада суверенитетов» в России в центре внимания оказалась не только проблема возрождения национальных (этнических, региональных) языков, но и статуса русского языка как доминирующего и юридически закрепленного в качестве государственного. В политическом дискурсе сторонников суверенизации российских республик русский язык рассматривался как инструмент политической власти. В первые два десятилетия конституирования Российской Федерации основные вопросы языковой политики сводились к защите и поддержке национальных (региональных и локальных) языков и механизмов расширения их функций в системе административного управления, образования и культуры, что соответствовало политике федерального правительства того периода. Статус и состояние русского языка тогда не вызывали дискуссии. К настоящему моменту, однако, ситуация изменилась. Геополитические процессы последнего десятилетия актуализировали обсуждение статуса русского языка, который не только является национальным (этническим) и государственным, но также признан мировым языком. По данным международного справочника по языкам Ethnologue¹ и исследованиям Института русского языка им. А. С. Пушкина, русский в последние годы занимает 9-е место в мире по количеству говорящих на нем людей (в 2023 г. – 255 млн человек) [17]. И это при условии того, что в постсоветский период произошло заметное сокращение численности владеющих им, особенно в странах СНГ [1].

Современные геополитические процессы, не представляя угрозы безопасности русского языка как сложной коммуникативной системы, подвергают риску его статус в качестве языка мирового, что влияет также и на его функцию межкультурной коммуникации. К такого рода процессам можно отнести активную экспансию английского языка как языка рекламы международных брендов и языка «мягкой силы»; борьбу с русской культурой и русским языком в странах дальнего и ближнего зарубежья; сокращение государственной поддержки образования на русском языке в республиках,

¹ Russian // Ethnologue: Languages of the World. URL: <https://www.ethnologue.com/language/rus> (дата обращения: 18.03.2026).

ранее входивших в состав СССР [16]. Эти процессы являются внешними факторами актуализации внимания к русскому языку. Но не менее важной является тенденция, имеющая значение и для внутренней консолидации российского общества, а именно: официальное, закрепленное в нормативно-правовых актах, самоопределение России как государства-цивилизации. В Основах государственной языковой политики, принятой в 2025 г., указывается, что «русский язык является национальным достоянием России, важным элементом российской и мировой культуры, объединяющим многонациональный народ Российской Федерации и другие народы мира в единую культурно-цивилизационную общность Русского мира»¹. Подобное самоопределение предполагает наличие общего пространства коммуникации и языка, который связывал бы все народы России не только в рамках прагматичной коммуникации, но и ценностно: передавал бы им единые смыслы и интегрировал на этой основе в единую поликультурную и поликонфессиональную общность. Таким образом, список доминирующих функций языка, на которые указывают лингвисты – коммуникативная и идентификационная [2], для русского языка сегодня дополняется еще одной – *социетальной*. Ее можно определить как обеспечение достижения смыслового единства ценностей, являющегося консолидирующим для культур всех народов России.

Эффективная реализация государственной языковой политики требует знания того, как население нашей страны воспринимает расширение функции русского языка до социетальных масштабов. Первым шагом в этом направлении стало изучение мнения представителей академического сообщества тех поликультурных регионов, где проблемы языка рассматриваются как составная часть национальной (этнической) политики и потому воспринимаются достаточно остро. К числу таких регионов относятся республики Юга России, где нами был проведен экспертный опрос местных научно-педагогических кадров на предмет их отношения к социетальной роли русского языка в поликультурных субъектах федерации.

Обзор литературы по проблематике исследования

Изучением социокультурных функций языка занимаются представители разных наук – от философии до политологии. Семиотический подход к языку и его роли в культуре был заложен в трудах швейцарского лингвиста Ф. де Соссюра [25] и продолжился развиваться в работах американских ученых: философа Ч. Пирса [24], антрополога и социолога К. Гирца [11], а также в сочинениях французского философа Р. Барта. Последний писал, что «символическое поле обладает единством, и культура во всех аспектах представляет собой язык» [6, с. 465]. Понимание

¹ Указ Президента Российской Федерации от 11.07.2025 № 474 «Об утверждении Основ государственной языковой политики Российской Федерации» // Президент России. URL: <http://www.kremlin.ru/acts/bank/52143> (дата обращения: 18.03.2026).

языка и слов как символов, с которых начинается человеческое поведение, обосновывал Л. Уайт [30]. Всех сторонников данного подхода объединяет общий посыл: «Язык есть центральный феномен культуры» [33].

Социально-политическая перспектива изучения языка представлена в трудах К. Маркса и К. Манхейма, стремившихся концептуализировать связь идеологии и языка социальной группы, которая транслирует определенные идеи. Процесс овладения языком как инструментом власти и формирования автономного властного дискурса анализируется в работах М. Фуко [31]. В середине XX в. на фоне роста этнонационализма такие теоретики, как Э. Геллнер [10], Г. Бреттон [36], Б. Андерсон [3] и Э. Хобсбаум [32], обосновали ключевую роль языка в процессах конструирования наций. Так, согласно утверждению Б. Андерсона, единые государственные языки, формируя «унифицированные поля обмена и коммуникации [...], помогали выстраивать и распространять образы прошлого [...] в “воображении нации”» [3, с. 100–101]. В современных зарубежных исследованиях также изучаются вопросы языковой политики, сложившиеся модели взаимодействия государственного и других языков¹ в разных странах [40; 43] или же в отдельных государствах Европы [44; 42], Африки [39], Азии [35] и пр. Среди них следует особо выделить дискуссию о конструировании национальных государств в условиях культурного и лингвистического многообразия в контексте критики эссенциализации связи между языком и идентичностью [42].

Функционированию русского языка как государственного в условиях полиэтничности посвящена довольно обширная литература. Актуальные вопросы государственной языковой политики в России затрагиваются в работах В. А. Тишкова [27], Э. А. Паина [22], О. Н. Астафьева [5], И. В. Задорина [16], В. М. Алпатова [2] и др. Социокультурные и социально-политические аспекты функционирования русского языка на Северном Кавказе обсуждаются в монографиях и статьях Г. С. Денисовой, В. П. Уланова [13], С. Я. Суцего [26], Е. И. Кобахидзе, Б. В. Туаева [19], Е. М. Арутюновой [4] и др. Не раз вопросы развития языка и идентичности поднимались в работах М. К. Горшкова [12], Л. М. Дробижевой [15], В. А. Авксентьева [18], Ю. Д. Джабраилова [14], Ю. Г. Волкова, А. В. Бедрика [21] и др.

Методологические и эмпирические основания исследования

Одним из методологических оснований представленного в настоящей статье исследования послужила концепция социетальной подсистемы общества Т. Парсонса. Рассматривая общество как социальную систему, он указывал, что ее целостность обеспечивается интегративной подсистемой – социетальным сообществом, ведущую роль в котором занимают цен-

¹ Например, модели языкового плюрализма, моноязычная, билингвальная/мультилингвальная, асимметричная.

ности и язык [23, с. 19–22]. Ценности закодированы в языке и передаются посредством него, поэтому данную функцию русского языка, сопряженную с функцией межкультурной коммуникации, можно определить как социетальную. При этом важно понимать, что две указанные функции не тождественны, поскольку язык межкультурного общения может осваиваться индивидом не в полной мере и охватывать не всю систему языка, а лишь некий минимум, который необходим для определенной сферы деятельности (повседневного общения, торговли и др.). Освоение языка в социетальном измерении предполагает раскодирование смыслов, заложенных в его понятиях, метафорах, пословицах, идиомах, отражающих духовные ценности. Усвоение в процессе межкультурной коммуникации ценностной сферы, транслируемой посредством русского языка, формирует общую платформу понимания смыслов взаимодействия.

Проблематика социетального активно обсуждается в современной как отечественной, так и зарубежной социологии. Н. И. Лапин определял социетальную функцию как то, что обеспечивает «балансируемое удовлетворение противоречивых потребностей, ценностей и интересов субъектов деятельности, входящих в систему» [20, с. 3]. В западной литературе в последние два десятилетия наблюдается «возрождение интереса к идеям Парсонса [...] причем в весьма практико-эмпирическом ключе» [29, с. 204]. Его теория социетальности объясняет, каким образом сложно устроенное общество удерживает целостность, согласуя между собой различные способы социальной координации [34]. Поэтому заложенные им «концептуальные основания для изучения социетальности остаются неисчерпаемым источником социологического теоретизирования...» [41, с. 241].

В качестве другого методологического основания нашего исследования использовался конструктивистский подход к этничности и языку в трактовке В. А. Тишкова: «Конструктивистский подход не отвергает, как это зачастую считают, примордиальные интерпретации этнических идентичностей. Он их проблематизирует» [37, с. 8]. Согласно В. А. Тишкову, человек свободен в выборе языкового поведения, а актуализированность конструкта «родной язык», как правило, обуславливается ситуативными целями политической борьбы. Стереотип о слитности языка и этноса в его примордиалистской трактовке уже деконструирован в современной мировой науке, однако продолжает сохранять свою доминантную позицию в среде российских социолингвистов, этнологов и этнических активистов [27, с. 134]. Реальная же, по Тишкову, языковая ситуация такова: масса людей идентифицируют свою этническую принадлежность, не владея при этом соответствующим этническим языком. Более того, владение несколькими языками на уровне интериоризации языковых картин мира усложняет этническую идентификацию из-за возникающего чувства принадлежности к двум или нескольким культурным традициям (множественная этничность) [28]. В свою очередь узкоэтническая трактовка языка является «центральным моментом программатики этнонационализма» [27, с. 136], формирует потенциал межэтнической напряженности, снижает символическую ценность владения русским языком для значительного

количества билингвального населения России и способствует занижению степени языкового перехода представителей нерусских этнических групп на русский язык [27, с. 134].

Изложенные выше теоретические идеи прошли верификацию в процессе переписи населения РФ 2020–2021 гг., результаты которой вызвали дискуссию по ряду методологических позиций, в том числе по поводу возможно двойственной трактовки вопросов о национальной идентичности и языка [8; 27], а также значительного недоучета информации по этнической принадлежности¹. Впрочем, это не отменяет того факта, что «на ближайшие годы итоги переписи 2020–2021 гг. – это единственный источник информации о “национальном” составе страны» [8, с. 216], который необходим при изучении ее культурного и языкового многообразия.

В качестве территории проведения экспертного опроса, посвященного восприятию современных функций русского языка, были выбраны четыре республики Юга России: Адыгея (РА), Дагестан (РД), Кабардино-Балкария (КБР) и Калмыкия (РК), различающиеся этническим составом своего населения, состоянием языков титульных народов в плане их функционирования и поддержки разными поколениями, а также историей вхождения в пространство российской цивилизации. Согласно Всероссийской переписи населения 2020–2021 гг.², по степени представленности русской этнической группы (носителей русского языка как первого, т. е. «родного») среди отобранных республик лидирует Адыгея – 58,5% от общего количества населения. На втором месте находится Калмыкия – 30,2%. Значительно меньше русских в Кабардино-Балкарии (19,3%) и совсем мало – в Дагестане (3,6%), что объясняется в том числе массовым оттоком русских из этих регионов, особенно из Дагестана, в постсоветский период.

¹ Согласно результатам переписи 2020–2021 г., 8,8% опрошенных не ответили на вопрос о владении русским языком и 11,3% не указали владение родным языком. Если отсутствие ответов на вопрос о национальности в определенной степени восполнялось данными административных источников, то для языковых вопросов такой способ оказался невозможным [9, с. 32]. Как следствие, значительной критике в экспертном сообществе подверглась конструктивистская методология, заложенная в формулировке вопросов об этнической принадлежности. Тем не менее участники дискуссии вынуждены были признать большое влияние на результаты данной переписи изменений в методике ее проведения (добровольность участия, возможность использовать электронные ресурсы), слабую информационную поддержку, погрешности в работе переписчиков, влияние пандемии, а также регионального и политического контекста [27]. Признание всего комплекса этих факторов, на наш взгляд, выводит из-под критики методологию конструктивизма и вместе с тем требует от исследователей соблюдать осторожность при использовании полученных данных.

² Самым многонациональным в РФ субъектом федерации является Республика Дагестан, где проживают представители более 110 этнических групп. Наиболее многочисленными среди них являются аварцы (29,4%), даргинцы (17%), кумыки (14,9%), лезгины (13,3%), лакцы (5,6%), азербайджанцы (4,5%), табасаранцы (4,1%), русские (3,6%), чеченцы (3,2%) и ногайцы (1,4%). В Кабардино-Балкарии преобладают кабардинцы (включая черкесов) – 58,5%, русские составляют всего 19,3% населения, балкарцы и того меньше – 13,3%, а отдельно черкесы – 2,9%. В Адыгее наиболее многочисленной этнической группой являются русские – 58,5%, адыги (включая черкесов) составляют 23%, армяне – 3%, курды – 1%. В составе населения Калмыкии доминируют калмыки – 57,4%, русские составляют 30,2%, даргинцы – 2,7%, чеченцы и казахи – по 1,7%, турки – 1,3%. (См.: Итоги ВПН-2020. Т. 5: Национальный состав и владение языками // Росстат. URL: https://rosstat.gov.ru/vpn/2020/Tom5_Nacionalnyj_sostav_i_vladenie_yazykami (дата обращения: 20.06.2025).)

Перепись также показала региональные различия в распространении русского языка в этих республиках. Наиболее высокий уровень использования русского языка наблюдается в Адыгее и Калмыкии, в КБР он несколько ниже и еще ниже в Дагестане, особенно среди сельского населения (рис. 1)¹. В то же время все региональные национальные языки в этих республиках, по оценке Института языкознания РАН, относятся к третьей группе по статусу витальности и перспективе развития, т. е. нуждаются в активной поддержке².

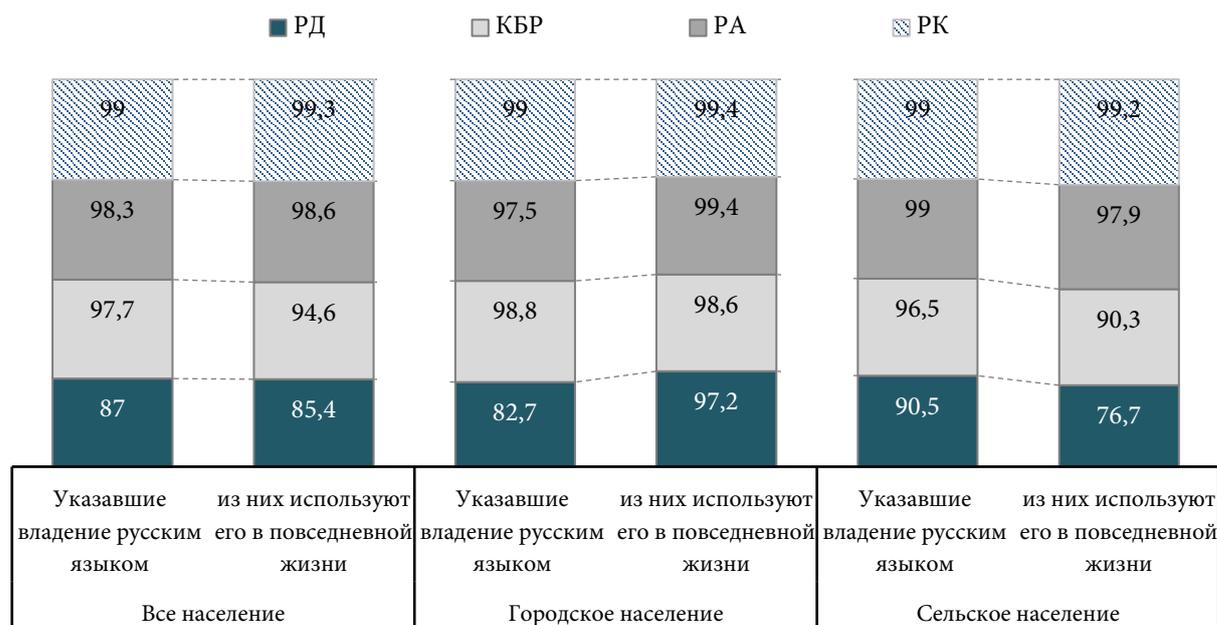

Рис. 1. Показатели владения русским языком и его использования населением республик Юга России по данным переписи 2020–2021 гг.³, %

Figure 1. Indicators of Russian language proficiency and use by the population of the republics of Southern Russia according to the 2020–2021 census, %

Конструктивистский подход к этничности и языку допускает использование в качестве метода сбора данных экспертные интервью с представителями интеллектуальной и политической элиты, так или иначе участвующими в создании имиджа языка и концептуализации языковой политики. В ходе реализации полевого этапа нашего исследования было проведено 15 глубинных интервью с представителями академического сообщества и управленцами-практиками, специализирующимися на изуче-

¹ Там же.

² Для языков этой группы характерно сохранение межпоколенческой передачи в той или иной степени в разных частях ареала их распространения. Для таких языков необходимо развитие языковой инфраструктуры, расширение сфер их использования, а также реализация мер по повышению престижа (Проект Федеральной программы по сохранению и развитию языков России от 9 сентября 2024 года // Институт языкознания РАН. URL: https://iling-ran.ru/languages_of_russia/federal'naja_programma_soxranenija_jazykov_2024.pdf (дата обращения: 20.06.2025).

³ Рассчитано по: Итоги ВПН-2020. Том 5. Национальный состав и владение языками // Росстат. URL: https://web.archive.org/web/20241211030549/https://rosstat.gov.ru/vpn/2020/Tom5_Nacionalnyj_sostav_i_vladenie_yazykami (дата обращения 20.06.2025).

нии языковой проблематики и этносоциальных процессов на Юге России и проживающими как на территории четырех упомянутых республик, так и за их пределами: 1) политолог, научный сотрудник ДФИЦ РАН, канд. полит. н., РД; 2) языковед, научный сотрудник ДФИЦ РАН, канд. филолог. н., РД; 3) языковед, научный сотрудник ДФИЦ РАН, канд. филолог. н., РД; 4) филолог, судебный эксперт, канд. филолог. н., РА; 5) этномузыковед, доктор искусствоведения, РА; 6) доктор искусствоведения, профессор АГУ, РА; 7) социолог, профессор АГУ, д. ф. н., РА; 8) социолог, доцент АГУ, канд. социол. н., РА; 9) социолог, канд. социол. н., ФНИСЦ РАН, КБР; 10) специалист по молодежной политике, КБГУ, КБР; 11) социолог, КИГИ РАН, канд. социол. н., РК; 12) сотрудник Министерства по делам национальностей, массовым коммуникациям и печати КБР, канд. п. н.; 13) историк, политолог, МГИМО, канд. и. н., Москва; 14) историк, блогер, научный сотрудник ИВ РАН, канд. и. н., Москва; 15) филолог, канд. филолог. н., зав. кафедрой АГУ, РА.

Глубинные экспертные интервью проводились на основе гайда, определявшего вектор беседы: от обсуждения роли русского языка в исторической ретроспективе развития полиэтничного региона (республики) и его влияния на национальные (региональные) языки к оценке использования русского языка молодежью республик и его влияния на конструирование идентичности молодого поколения. Данные структурировались по методу конденсации смысла уже в процессе интервью посредством предоставления информантам возможности уточнять смысл ранее сказанного.

Результаты исследования

Сравнительный анализ материалов интервью позволил выявить ряд общих для всех экспертов позиций, к коим можно отнести: 1) оценку истории формирования в исследуемых регионах многоязычия с участием русского языка после окончания Кавказской войны; 2) роль русского языка в социально-экономическом развитии народов этих регионов, в развитии их этнических языков и культуры. По мнению большинства экспертов, именно благодаря русскому языку удалось сохранить этнические языки и обеспечить их современное живое функционирование (с расширением предметной области языковой коммуникации путем заимствования необходимых языковых единиц). Также эксперты по большей части сошлись в своих оценках политического регулирования межязыкового взаимодействия, когда при нарушении достигнутого ранее баланса языков в пользу этнического или государственного (русского) неминуемо возникает политическая напряженность (как это было в первое постсоветское десятилетие).

Рассмотрим подробнее мнения экспертов по всем затронутым в интервью темам.

Историческая ретроспектива становления русскоязычия в полиэтничных республиках

Исходя из рассказов экспертов о распространения русского языка в исследуемых регионах были выделены три этапа этого процесса. Первый – *дореволюционный*, когда русский язык сопровождал вхождение народов Северного Прикаспия и Северного Кавказа в состав Российской Империи и применялся преимущественно в сфере делопроизводства. В те времена местное население было в основном локализовано в достаточно удаленных друг от друга сельских поселениях, где занималось традиционными формами хозяйствования. Все сферы повседневной жизни тогда обеспечивались национальными (этническими) языками, а обменные взаимодействия – языком *лингва франка*, в качестве которого на равнинах стихийно выступал кумыкский, а в горах Дагестана – аварский (эксперты 2, 3, 6, 7), однако постепенно их начал замещать русский. Как сообщил один из экспертов, еще до революции «*многие родители отдавали своих детей, преимущественно мальчиков, знакомым русским семьям, для того чтобы дети могли научиться русскому языку*» (эксперт 5).

Роль русского языка в качестве лингва франка заметно усилилась в *послереволюционный период* (второй этап) вследствие проведения широкомасштабной государственной кампании по обеспечению всеобщей грамотности. Развитие промышленности и городов также способствовало расширению сферы функционирования русского языка, который теперь воспринимался населением как необходимый инструмент для улучшения собственной жизни. Приезд в изучаемые регионы русских специалистов, в первую очередь учителей и инженеров, стимулировал подготовку национальных кадров на русском языке (эксперты 2, 3, 6, 7, 13, 15). Особенно чтима на протяжении многих десятилетий была роль русских учителей, обучавших детей и взрослых из числа местных русскому языку, что нашло свое выражение в установке памятника русской учительнице в Махачкале. По словам одного из экспертов, эта просветительская роль молодых женщин, приезжавших в аулы Кавказа обучать детей, и сегодня воспринимается взрослым населением республик как духовный подвиг (эксперт 14).

Послевоенный промышленный рост в национальных автономиях Юга России и активная урбанизация, пришедшаяся на 1960-е гг., стали новым импульсом для еще более интенсивного распространения русского языка (эксперты 2, 4, 5, 13, 14, 15). Более того, распространение русского языка в системе образования закреплялось юридически, однако запрета на использование национальных языков при этом не вводилось. Напротив, они и национальные культуры продолжали поддерживаться, как это повелось еще с первого десятилетия существования советской власти. По общему мнению экспертов, именно благодаря последовательной реализации и преемственности языковой политики к 1980-м гг. в каждой из исследуемых республик стала обычной практикой двуязычия с доминированием русского языка.

Русский язык как инструмент социальной мобильности

Большинство экспертов указали на инструментальную роль русского языка, которая рассматривается как норма (эксперты 2, 4, 6, 7, 11, 13–15). Делясь своими личными историями, они рассказали, что их поступление в школу с русским языком обучения воспринималось окружающими как достижение семьи и ребенка, обеспечивавшее последнему успешную профессиональную жизнь: *«Я думаю, что русский язык – это окно в большой мир. Помимо того, что, естественно, он язык обучения, язык судопроизводства, язык, который зачастую обслуживает все профессиональные сферы. Это невозможно представить даже гипотетически, что русский язык вдруг не будет средством общения»* (эксперт 4).

Роль русского языка в развитии национальных языков и культур

В разных вариантах большинство экспертов отмечали, что с первых лет советской власти языковая политика государства была направлена не только на распространение русского языка и обеспечение грамотности населения, но и на развитие национальных языков и культур *с опорой на русский язык*: *«Еще до революции в Краснодаре и в Майкопе были школы и ремесленные училища. Оттуда выходила наша интеллигенция, в частности в ремесленных училищах действовали театральные кружки. Все деятели адыгейской культуры стремились к культурному обмену с русскими. [...] Это были и писатель Кирашев, который писал на родном языке, и Ибрагим Цей, который, используя свои связи с Москвой, пригласил сюда Гнесина, московских художников, сценаристов»* (эксперт 5).

Такое взаимонаправленное движение в области языка и культуры со стороны советской власти и формирующейся региональной интеллигенции имело двойной эффект: развитие национальных культур и увеличение сферы функционирования русского языка, посредством которого эти культуры вовлекались в орбиту межкультурного взаимодействия на просторах большой страны. Кроме того, русский язык также обеспечивал расширение смыслового поля, продуцируемого национальными языками и культурами. Хрестоматийным примером подобного является трансформация первоначального варианта стихов народного поэта Дагестана Р. Гамзатова «Журавли». Четко выраженные в нем ноты аварской культуры были возвышены до универсального культурного символа подвига советских солдат, павших в Великой Отечественной войне¹ (эксперты 5, 13).

¹ Такая трансформация произошла при замене национального понятия «джигиты» на русское универсальное – «солдаты»; строфы «Не потому ли с клином журавлиным / От века речь аварская сходна?» на строфу «Не потому ль так часто и печально / Мы замолкаем, глядя в небеса?» (эксперт 13). В основе созданного Гамзатовым образа лежит подлинная история осетинской семьи Газдановых, в которой погибли все семь сыновей, ушедших на фронт, и которым был воздвигнут в Северной Осетии памятник (правда, с белыми гусями; журавли – это образ Гамзатова). Литературный перевод стихов на русский был сделан близким другом Гамзатова Н. Гребневым, а чуткие правки стихов – первым исполнителем песни М. Бернесом (эксперты 5, 13).

Говоря о культурно-обогащающей функции русского языка, эксперты указали и на другой ее аспект: русский язык использовался как инструмент для создания истории коренных народов республик: *«Понимание [...] этноса, народа, возможно только через историю, культуру, а это на русском языке можно получить, в частности изучить историю и культуру адыгского народа. Как ее изучали русские. Но и сами адыгейцы изучали свою историю через русский язык. [...] Русский язык служит не только для русского народа, не только для русских»* (эксперт 7).

Упоминали эксперты и о роли русского языка в европеизации народов Юга России и популяризации их культур на общероссийском и мировом уровнях (эксперты 4–7, 11–15). Эта роль в наше время становится год от года значимее, так как все современные достижения культуры производятся на мировых языках, в частности на русском. Поэтому быть или не быть в тренде культурных изменений для представителей малочисленных народов определяется в том числе их знанием русским языком. По мнению некоторых из наших экспертов, владение русского языка основным большинством представителей малочисленного народа позволяет этому народу сохранять и развивать свою культуру в соответствии с мировыми тенденциями, т. е. сохранять свою историко-культурную субъектность.

«Если не мы, то наши дети будут попадать на работу или на серьезные конференции, участвовать в каких-то бизнес проектах. Человек не сможет сформулировать даже свою идею и желание, потому и реализации проекта уже ему не видать. Вроде бы русский язык знает, но не знает его на должном уровне, чтобы выйти и выступить, заявить о своем проекте. Это будет наше упущение, если мы в нужный момент не сориентируемся и не будем преподавать русский язык на должном уровне. Мы окажемся у разбитого корыта, надеясь сохранить свой язык, который на несколько десятилетий, [а] может быть, и на века уже отстает от русского языка, и потерять то, что у нас есть. На должном уровне мы не можем его сохранить» (эксперт 11).

Русский язык как угроза национальным языкам

Обратной стороной активного расширения сферы функционирования русского языка и поиска перспективных направлений образования и карьеры стало вытеснение национальных языков из сферы публичной жизни в семейно-бытовую и обрядовую сферы. В признании этого факта эксперты были единодушны, однако касательно его оценки их мнения разошлись, что оказалось обусловлено различиями в профессиональных профилях наших информантов. Так, специалисты в области лингвистики, педагогики и отчасти этнологии рассматривают национальные языки как ведущий индикатор этнической группы: *«Мы не можем себя считать лезгинами, аварцами, даргинцами, не зная родного языка, потому что принадлежность к тому или иному этносу проявляется именно через знание языка»* (эксперт 3). Из этого следует, что без знания родного языка человек не способен усвоить особенности менталитета своего народа, воспри-

нять его историю, сформировать собственную этническую идентичность: *«Де-факто, не зная всего вышеперечисленного, их [таких людей] считать представителем какой-то национальности сложно»* (эксперт 3). Поэтому сужение сферы функционирования национальных языков интерпретируется рядом экспертов как показатель размывания этничности и этнической культуры: *«В принципе, функция родного языка уходит не просто на второй план, она стирается, потому что мы забываем его функцию, мы за ненужностью перестаем говорить на родном языке»* (эксперт 3).

Другая, большая, часть экспертов, напротив, не видит жесткой связи между владением языком и этнической идентичностью: *«Нельзя сказать, что без языка нет народа. Если евреи смогли три тысячи лет, не зная ничего на родном языке, остаться евреями и потом создали свое государство, значит, язык там не главное. [...] Пока идентичность есть, даже без языка. Но... Я вот внучку называю русской: ты русская, из-за того, что со мной разговариваешь по-русски. Она говорит: “Я не русская, я – аварка”»* (эксперт 2).

Причины снижения витальности национальных языков эксперты усматривают в их вытеснении из делопроизводства и миграции населения в города (эксперт 2, 3, 13–15). *«Обрусение пошло, когда русский язык уже начинал становиться государственным языком, реальным языком общения в Дагестане»* (эксперт 2). В Калмыкии массовое распространение русского языка произошло в период депортации калмыков и их расселения на территории Урала, Сибири и Средней Азии (эксперт 12).

По оценкам экспертов-лингвистов, переход населения исследуемых республик на русский язык влечет за собой явно негативные последствия для национальных языков. В частности, введение кириллицы изменило графику написания звуков, и какая-то их часть исчезла из национальных языков. Раннее освоение детьми русского языка привело не только к его восприятию как родного, но даже к изменению артикуляции.

Специалисты в области этносоциологии, а также часть этнологов занимают более сдержанную позицию и принимают как объективную данность постепенный переход местного населения республик на русский язык в качестве языка повседневного общения (эксперты 5, 6, 7, 11–13). С одной стороны, они акцентируют внимание на необходимости поддерживать национальные языки как механизм воспроизводства этнической идентичности и культуры, а с другой – признают, что активисты в республиках сами недостаточно владеют «родным» языком, но это не мешает им открыто заявлять о своей приверженности этническому сообществу (эксперты 2, 5, 11, 13).

Как видим, среди наших информантов из числа национальной интеллектуальной элиты преобладает мнение об отсутствии обязательной связи между этническим языком, идентичностью и этнической культурой. Например, эксперт из Калмыкии, отмечая свободное владение русским среди калмыков и утрату значительной частью калмыцкого населения национального языка, вместе с тем подчеркнул, что калмыцкая идентичность и культура продолжают сохраняться (эксперт 12). Более того, неко-

торые из экспертов и вовсе лояльно отнеслись к вытеснению национальных языков в сферу бытовых взаимодействий и ритуальных событий (эксперты 2, 8, 10, 11).

Русский язык и тенденция возрождения религии в постсоветский период

При обсуждении факторов, влияющих на языковую ситуацию в полиэтничных республиках Юга России, была затронута также проблема исламизации региона в постсоветский период. В 1990-е гг. наблюдался активный выезд молодых мужчин из северокавказских республик в страны Ближнего Востока для получения образования в исламских университетах. Обучение и сопутствующие расходы (оформление визы, оплата переезда, в том числе в каникулярный период) оплачивались принимающей стороной. Выпустившись, многие затем возвратились обратно в Россию. Тем не менее, по заверениям экспертов, процессы реисламизации не вызвали популяризации и распространения арабского языка как язык ислама в изучаемых регионах (эксперты 2, 4, 6, 8, 10, 14). *«На арабском языке мы молимся, нельзя молиться на русском языке, нельзя молиться на турецком»*, однако молитвы запоминаются без понимания смысла, потому что рядовой верующий *«арабского языка не понимает, но он обязан эти суры выучить, чтобы помолиться»* (эксперт 2).

Вместе с тем, как сообщили эксперты, проповеди в мечетях повсеместно читаются на русском языке: *«Богослужение идет на арабском, а проповеди – на русском, так как верующие должны понимать проповедь»* (эксперт 3). Исключение составляют сельские мононациональные поселения, где проповедь порой читается на национальном языке (эксперт 2, 6). Молодежь из таких горных аулов может получить исламское образование на национальных языках и вернуться проповедниками в свои аулы (эксперт 3). Изменить ситуацию могла бы государственная поддержка преподавания арабского языка как иностранного, благо интерес к такому обучению есть, по крайней мере в Дагестане¹.

В других рассматриваемых республиках интерес к арабскому не особо выражен, что может объясняться иным отношением их населения к исламу. Так, эксперты из Адыгеи указали на избирательность его восприятия адыгами: все уважают религиозные чувства, отмечают религиозные праздники, но жесткого соблюдения правил религиозного поведения никто не требует. Как заметил один из экспертов, *«адыги остаются язычниками. У них народный ислам, потому что адыги и адыгская цивилизация самодостаточны... Я как-то поговорила с одним знакомым и спросила у него,*

¹ *«Мы добиваемся, чтобы арабский признали в качестве иностранного языка, но почему-то Москва боится этого и до сих пор арабский не признан в Дагестане иностранным языком. Раз он не признан, его не преподают в школе. Если его не преподают в школах, не готовят учителей арабского языка. Арабский язык у нас хотят изучать очень много людей, но не поступают на обучение, потому что потом тяжело найти работу человеку, который окончил арабское отделение»* (эксперт 2). Активно способствуют обучению арабскому языку религиозно ориентированные родители (эксперт 10).

почему он не ходит в мечеть. Он говорит: “А как ты представляешь, что я, адыг, встану на колени и буду касаться лбом пола? Это неприемлемо”. Тем не менее, когда похороны, они исполняют мусульманские ритуалы: например, все стоят и держат руки, как на омовении» (эксперт 5).

Беседы с экспертами позволили выявить еще одну функцию русского языка в национальных республиках Северного Кавказа: он стал инструментом распространения ислама, что явилось непреднамеренным социокультурным последствием языковой политики России. В Калмыкии, однако, сложилась иная ситуация: возрождение и распространение буддизма актуализировало интерес к освоению калмыцкого языка. При буддийских храмах и дацанах открылись курсы калмыцкого языка, сутры начали переводить с тибетского, на котором идут буддийские службы, на калмыцкий, но в светской жизни доминирующее значение продолжает сохранять русский язык (эксперт 12).

Отношение молодежи к русскому языку

Все эксперты в один голос заявили, что молодежь стремится к освоению русского языка, поскольку это является залогом получения образования и последующего успешного трудоустройства. Даже малый бизнес в республиках ориентируется сегодня на платформы и соцсети, которые ведутся преимущественно на русском (эксперт 3). Перенос молодым поколением значительного объема общения в онлайн также способствует доминированию русского языка. По словам экспертов из Дагестана, современная городская молодежь в республике плохо знает национальные языки, она *«на родных языках не мыслит, не говорит, не читает. И очень плохо владеет этническим бытовым языком»* (эксперт 11). Ту же тенденцию отмечали эксперты и из других республик (эксперты 10, 12).

В то же время нельзя не признать, что ситуация со знанием молодежью национальных языков в Адыгее и Кабардино-Балкарии обстоит несколько лучше. В этих республиках распространение получила практика образовательных курсов национального языка для молодежи и взрослых, которые посещаются также представителями других этнических групп (эксперты 5, 7), и вдобавок к тому ведется репетиторство на адыгейском и кабардинском языках (эксперты 6, 7).

Так как национальные языки в России имеют кириллическую письменность, перенос коммуникации в онлайн не препятствует интересу к национальному языку. Для молодежи в Калмыкии, Кабардино-Балкарии, Адыгее характерно общение в социальных сетях не только на русском, но и на национальных языках с использованием кириллицы. Эксперты объясняют данный феномен стремлением создать коммуникативное пространство «для своих», использовать национальный язык как фильтр, отсеивающий посторонних, а также для передачи собственных смыслов (эксперты 6, 12). В случае с адыгским, этому также способствует деятельность международных адыгских организаций: например, Международной Черкесской Ассоциации, Международной черкесской академии, – и создание онлайн-платформ, где обсуждаются вопросы укре-

пления внутриэтнического единства адыгов, культуры и политики (эксперты 5, 6). Более того, в настоящее время специалисты Адыгейского государственного университета и «Высшей школы экономики» (Москва) реализуют совместный проект по созданию клавиатуры на адыгейском языке как еще одного инструмента, призванного стимулировать поддержку молодежью национального языка (эксперты 5, 7).

Еще один распространенный мотив изучения этнического языка среди молодежи – мода на оригинальность, стремление выделиться из массы. Эксперты отметили растущий интерес к популяризации национальных языков в молодежной среде, особенно активно проявляющийся в Калмыкии, где именно молодые люди создают собственные инициативные проекты по переводу на калмыцкий язык современных мультфильмов, организуют музыкальные группы (эксперт 12). Вовлечению молодежи в освоение национальных языков способствует и грантовая поддержка молодежных инициатив в исследуемых республиках: например, перевод пословиц с русского языка на национальный, и наоборот (эксперт 10). Сюда можно также отнести исполнение молодежью песен на национальных языках, проведение традиционных праздников и ритуалов, использование языков в творческой сфере. Правда, во многом подобные начинания обусловлены стремлением к коммерческому или символическому успеху. Как свидетельствуют эксперты, творческая молодежь не так уже активно читает периодические издания и книги на национальных языках (эксперты 3, 10, 12) и не обязательно связывает свою этническую идентичность со знанием национального языка (эксперт 10), это желательное, но не обязательное условие (эксперты 6, 15).

Общим трендом для всех республик является освоение молодежью русского языка, интерес к изучению английского и вместе с тем низкая заинтересованность в глубоком изучении национальных языков. По признанию экспертов, доминирующим языком коммуникации среди представителей молодого поколения исследуемых республик был и остается русский. Интерес, который они проявляют к изучению английского, турецкого или арабского имеет ситуативно-прагматический характер и свойственен лишь узкой группе. Академическая миграция ориентирована в основном на российские вузы, хотя определенная престижность миграции в европейские страны и США, где имеются этнические диаспоры калмыков, черкесов и народов Дагестана, тоже присутствует. Впрочем, относительно последней оценки экспертов носят гипотетический характер.

Социетальная функция русского языка: цивилизационный аспект

Все опрошенные эксперты признают и подчеркивают посредническую функцию русского языка – быть языком межнационального общения. Наиболее часто о ней говорили эксперты из Дагестана, что объясняется высокой полиэтничностью этой республики, где «каждый чело-

век, встречаясь с другим на улице, не знает, как к нему обратиться, и автоматически использует русский язык» (эксперт 3). Впрочем, одним посредничеством в повседневной или деловой коммуникации суть и значение данной функции не исчерпывается. Освоение русского языка несколькими поколениями по единой программе с первых классов школы привело к формированию общих ментальных схем.

Эксперты из Кабардино-Балкарии, Адыгеи, Дагестана и Калмыкии указали на общий стиль мышления и когнитивную платформу, которые формировались как раз через использование русского языка, ставшее массовым в этих республиках с конца 1970-х гг. (эксперты 5, 7, 14, 15).

Вместе с тем, говоря о общих ментальных схемах, эксперты вовсе не подразумевали под этим «обрусение» и потерю собственной этнической идентичности. Скорее они имели в виду равное соприсутствие идентичностей с родной (этнической) и русской культурой. Сегодня русский язык выступает, по сути, не только языком межкультурной коммуникации, но и чем-то большим – общей платформой цивилизационного единства разных народов: *«Но в то же время ориентир должен быть именно цивилизационный. Это как миссия, база. Если нет общемировой базы, на которой можно строить все остальные аспекты жизни, то народ не выдержит эту конкуренцию. [...] Для национальных культур такой базой выступает русский язык. Я думаю, что в конечном итоге все это понимают»* (эксперт 11).

О наличии этой общей когнитивной платформы, которая формируется и поддерживается посредством русского языка, свидетельствует легкость и аутентичность, с какой функционируют в разных регионах России представители молодого поколения северокавказских народов, получивших профессиональное образование в столичных вузах. По мнению экспертов, этим выпускникам не нужно «ломать себя», полученное образование не противоречит местным особенностям и традиционным формам поведения: *«Я не вижу такого разлома. Я сама училась в Петербурге. Я вернулась сначала в Майкоп, работала долго там. Не было какого-то диссонанса, что ты должен вот что-то в себе ломать, чтобы вписаться. Общество же уже тоже другое, городское особенно»* (эксперт 14).

Иной ракурс рассмотрения того же явления предлагают филологи. Так, один из экспертов указал на значительное различие русского и этнического (адыгейского) языков, что порождает трудность сохранения смыслов при переводе. Однако приведенные им примеры адыгейских понятий, сложных для перевода на русский язык, как ни странно, показывают ментальную близость адыгейской и русской культур: в обеих доминирующим типом взаимодействия, который определяет социетальные ценности, выступает не обмен, а дарение.

«Псапэ – это значит оказывать добродетельную кому-то помощь. Это не милостыня. Милостыня – немножко уничижающее явление. Делать псапэ – не просто делать добро, а именно делать благодеяние, которое намного глубже. Смысл этого слова понимают адыги, которые владеют языком, то есть у которых есть эта ментальность». Такого

же рода трактовка понятия «шъхъакло», которое на русский можно перевести как «позор». *«Но это чувство более сложное, оно содержит не только стыд, но и импульс, который подвигнет на осмысление и исправление своего поступка»* (эксперт 15).

Принципиальную разницу между этими двумя актами объяснил З. Бауман: «Моральная ценность дарения измеряется не рыночной ценой товаров и услуг, а именно величиной личных потерь дарящего. [...] В своем чистом виде дарение осуществляется по отношению к любому нуждающемуся просто потому (и только потому), что человек в этом нуждается. Дарение поистине вознаграждает самого дарящего (хотя и иллюзорным) моральным удовлетворением: опытом самоотречения, самопожертвования ради другого человека» [7, с. 97]. Иными словами, если обмен есть поступок, продиктованный в первую очередь прагматическим интересом, то дарение – это акт, который определяется прежде всего *личными качествами дарящего*. Если смотреть с таких позиций, становится понятно, почему в адыгейском языке, так же как и в русском, многие социальные понятия наполнены нравственным содержанием, часто трудно переводимым на другие языки. Однако в границах российской культуры указанные трудности все же преодолеваются на русской языковой основе, тонко отражающей ментальность взаимодействия по типу дарения. Именно в силу этого русский язык не только выступает в качестве лингва франка, но и создает общую социетальную основу, обеспечивающую интеграцию всех народов России.

Следует отметить, что далеко не все информанты артикулировали цивилизационную роль русского языка. Данный концепт еще не включен в должной степени в официальные документы Министерства просвещения и Министерство науки и высшего образования, вследствие чего пока не стал предметом рефлексии широкого круга филологов, социолингвистов и специалистов, занимающихся межэтническими отношениями, включая языковую политику. Между тем, как тонко подметил один из экспертов, *«официальные документы должны быть нацелены на более высокое поликультурное образование. Невозможно сформировать общероссийскую идентичность или даже региональную идентичность, если близлежащие соседи не знают друг о друге. [...] У нас считается, что нужно изучать свою культуру, изучать язык. Мы не чувствительны к культуре и языкам соседних российских народов»* (эксперт 5).

Выводы

Первоначально обсуждение проблем языковой политики в современной России велось с позиций обеспечения сохранности политической субъектности этносов, позже – с позиций обеспечения образования на национальных языках как гарантии воспроизводства этнических культур. В обоих случаях участники дискуссий исходили из аксиоматического признания государственного статуса русского языка и его роли в обеспечении

межнациональной коммуникации. Достижение высокого уровня владения русским языком всем населением СССР к последней четверти XX в. обеспечило утверждение билингвизма как нормы для всех нерусских народов будущей Российской Федерации. В этих условиях обнаружилась узость привычной формулы «русский как язык межнациональной коммуникации», поскольку владение им обеспечивало комфортную, эффективную и естественную коммуникацию на межличностном уровне. Глубокое проникновение в русский язык благодаря системе школьного образования, построенной на его основе, а также на основе русской литературы и утверждении общности истории народов сперва СССР, а затем России, обеспечило аутентичное понимание ценностей и смыслов, закодированных в нем. Это стало фундаментом, на котором впоследствии формировалась общероссийская гражданская идентичность [15, с. 40]. В 2025 г. были обновлены Основы государственной языковой политики, где в частности указывается: «При всем уникальном этнокультурном многообразии Российской Федерации именно русский язык в значительной мере определяет общероссийскую гражданскую идентичность, является залогом единства культурно-гуманитарного пространства России»¹.

Изменение геополитической ситуации в мире в первой четверти XXI в. и ее осмысление через призму цивилизационного подхода выразилось в самоопределении России как государства-цивилизации². Принятие данного концепта с его ведущей идеей сосуществования русского и других народов России на принципах единства в многообразии предполагает расширение конструкта российской гражданской идентичности посредством включения в нее цивилизационного аспекта. И важнейшим инструментом этого является русский язык. Систематизация полученных в ходе экспертного опроса материалов показывает, что хотя информанты и не использовали термины «социетальность» и «цивилизационная функция» применительно к русскому языку, но фактически говорили именно об этом. Более того, они осознанно подчеркивали равную приверженность обеим культурам – своей этнической группы и русской, которая большинством из них также признавалась своей.

Перспектива дальнейшей работы в обозначенном в данной статье направлении связана с верификацией на уровне массового опроса в полиэтничных регионах России гипотезы о социетальной функции русского языка как инструмента и индикатора конструирования цивилизационного аспекта российской идентичности. Сформулированная проблема предполагает обязательное вовлечение в ее разработку специалистов разного профиля, поскольку речь идет о поиске адекватного категориального аппарата с выходом за рамки методологических концептов конструктивизма и социетальности. Эффективная реализация социетальной функции русского языка, интегрирующего в единое цивилизационное пространство культуры

¹ Указ Президента Российской Федерации от 11.07.2025 № 474 «Об утверждении Основ государственной языковой политики Российской Федерации» // Президент России. URL: <http://www.kremlin.ru/acts/bank/52143> (дата обращения: 18.03.2026).

² Там же.

различных народов, предполагает также возникновение новых акцентов и методов его в преподавании и преподавании русской литературы на всех уровнях системы образования.

Библиографический список

1. Арефьев А. Л. Русский язык на рубеже XX-XXI веков. М.: ЦСП и М, 2012. 482 с.
2. Алпатов В. М. Языковая политика в современном мире // Научный диалог. 2013. № 5(17). С. 8–28. EDN: QCQEDN.
3. Андерсон Б. Воображаемые сообщества. Размышления об истоках и распространении национализма / Пер. с англ. В. Николаева. М.: Кучково поле, 2016. 416 с.
4. Арутюнова Е. М. Русский язык в российской идентичности: теоретические подходы и актуальный контекст // Социологическая наука и социальная практика. 2021. Т. 9. № 1. С. 111–123. DOI: 10.19181/snspr.2021.9.1.7876; EDN: YZKGMВ.
5. Астафьева О. Н., Козловцева Н. А. Государственная политика в сфере русского языка в контексте Русского мира // Знание. Понимание. Умение. 2017. № 3. С. 122–139. DOI: 10.17805/zpu.2017.3.10; EDN: ZHJOQD.
6. Барт Р. Писать – непереходный глагол? // Система моды: Статьи по семиотике культуры / Пер. с фр. С. Н. Зенкина. М.: Изд-во им. Сабашниковых, 2003. 512 с.
7. Бауман З. Мыслить социологически: учебное пособие / Пер. с англ. под ред. А. Ф. Филиппова. М.: Аспект Пресс, 1996. 255 с.
8. Бубликов В. В., Варшавер Е. А., Степанов В. В. Деконструкция переписи населения: комментарии и рассуждения // Этнографическое обозрение. 2023. № 4. С. 212–242. DOI: 10.31857/S0869541523040097; EDN: HJPWNK
9. Габдрафикова Г. Ф., Алос-и-Фонт Э. К вопросу о фиксации национальной принадлежности и владения языками во всероссийской переписи населения 2020-2021 гг. // Социологические исследования. 2024. № 1. С. 28–39. DOI: 10.31857/S0132162524010032 EDN: KGNWМК.
10. Геллнер Э. Нации и национализм / Пер. с англ. Т. В. Бердиковой, М. К. Тюнькиной; ред. и послесл. И. И. Крупника. М.: Прогресс, 1991. 320 с.
11. Гирц К. Интерпретация культур / Пер. с англ. М.: РОССПЭН, 2004. 560 с.
12. Горшков М. К., Тюрина И. О. Консолидация российского общества в условиях современных вызовов: историко-социологический и ценностно-мировоззренческий контексты // Вестник РУДН. Социология. 2023. Т. 23. № 4. С. 720–739. DOI: 10.22363/2313-2272-2023-23-4-720-739; EDN: FQZJXO.

13. Денисова Г. С., Уланов В. П. Русские на Северном Кавказе: анализ трансформации социокультурного статуса. Ростов н/Д: РГПУ, 2003. 350 с.
14. Джабраилов Ю. Д. Политика идентичности в России: этнорегиональный и языковой аспект (на примере республик СКФО). Махачкала: РЦЭИ ДФИЦ РАН, Алеф, 2023. 220 с. DOI: 10.33580/9785002123698; EDN: BVRSIE.
15. Дробижева Л. М., Рыжова С. В. Общероссийская идентичность в социологическом измерении // Вестник Российской нации. 2021. № 1-2(77-78). С. 39–52. EDN: HAGVQK.
16. Задорин И. В., Подобед И. В. Русский язык в северной Евразии: политические и демографические факторы распространенности и использования // Полития: Анализ. Хроника. Прогноз (Журнал политической философии и социологии политики). 2020. № 3(98). С. 136–164. DOI: 10.30570/2078-5089-2020-98-3-136-164; EDN: CLNNQT.
17. Индекс положения русского языка в мире: индекс глобальной конкурентоспособности (ГК-Индекс), индекс устойчивости в странах постсоветского пространства (УС-Индекс). Вып. 3 / Под ред. С. Ю. Камышевой. М.: ГИРЯ им. А. С. Пушкина, 2023. 70 с.
18. Институциональные, исторические и культурные рамки формирования общероссийской идентичности на Северном Кавказе / Под ред. В. А. Авксентьева, М. М. Шульги. Ростов н/Д: ЮНЦ РАН, 2022. 224 с. EDN: EGFWIA.
19. Кобахидзе Е. И., Туаева Б. В. Русский язык в социокультурных трансформациях на Северном Кавказе (вторая половина XIX – начало XX в.). Владикавказ: СОИГСИ ВНИЦ РАН, 2023. 312 с. EDN: ACZKDB.
20. Лапин Н.И. Социокультурный подход и социетально-функциональные структуры // Социологические исследования. 2000. № 7. С. 3–12. EDN: SYRCZN
21. Национальная политика в России: возможность имплементации зарубежного опыта / Отв. ред. Ю. Г. Волков. М.: СГЗ, 2016. 318 с. EDN: UUXWRI.
22. Паин Э. А., Мижит-Доржу В. Ш. Политика сохранения языкового многообразия в России: декларируемые цели и реальная практика. Случай республик Южной Сибири // Мир России. Социология. Этнология. 2024. Т. 33. № 4. С. 66–93. DOI: 10.17323/1811-038X-2024-33-4-66-93; EDN: ILNQVN.
23. Парсонс Т. Система современных обществ / Пер. с англ. Л. А. Седова, А. Д. Ковалева; науч. ред. пер. М. С. Ковалева. М.: Аспект Пресс, 1998. 270 с.
24. Пирс Ч. С. Избранные философские произведения / Пер. с англ. К. Голубович, К. Чухрукидзе, Т. Дмитриева. М.: Логос, 2000. 448 с.
25. Соссюр Фердинанд де. Курс общей лингвистики / Пер. с французского А. М. Сухотина; под ред. Р. И. Шор. М.: Едиториал УРСС, 2004. 256 с.

26. Суций С. Я. Русские в республиках Северного Кавказа – рубежи геодемографического отступления (первая половина XXI века) // Демографическое обозрение. 2017. № 4(3). С. 115–140. EDN: ZWLDDBR.
27. Тишков В. А. Языковая ситуация и языковая политика в России (ревизия категорий и практик) // Полис. Политические исследования. 2019. № 3. С. 127–144. DOI: 10.17976/jpps/2019.03.08; EDN: ZHDGFV.
28. Тишков В. А. О переписывании народов, или деконструкции переписей населения // Этнографическое обозрение. 2023. № 4. С. 183–211. DOI: 10.31857/S0869541523040085; EDN: HJKIZH.
29. Троцук И. «Социетальное сообщество» Т. Парсонса в теоретико-эмпирической трактовке Дж. Скиортино // Социологическое обозрение. 2024. № 3. С. 204–230. DOI: 10.17323/1728-192x-2024-2-204-230.
30. Уайт Л. А. Символ: Начало и основа человеческого поведения // Антология исследований культуры. Символическое поле культуры / Пер. с англ. Е. М. Галахов и др. СПб.: ЦГИ, 2011. С. 173–188.
31. Фуко М. Слова и вещи: Археология гуманитарных наук / Пер. с фр. В. П. Визгин, Н. С. Автономовой. М.: Прогресс, 1977. 488 с.
32. Хобсбаум Э. Все ли языки равны? Язык, культура и национальная идентичность // Логос. 2005. № 4(49). С. 49–59. EDN: ХНКЕVT.
33. Ячин С. Е. Язык как основание и универсальная модель культуры // Государство, религия, церковь в России и за рубежом. 2010. № 1. С. 14–34. EDN: MQIXEL.
34. Alexander J. C., Sciortino G. On choosing one's intellectual predecessors: The reductionism of Camic's treatment of Parsons and the institutionalists // Sociological Theory. 1996. Vol. 14(2). P. 154–171. DOI: 10.2307/201904.
35. Annamalai E. Managing Multilingualism in India: Political and Linguistic Manifestations. New Delhi: Thousand Oaks, 2001. L.: Sage, 2001. 240 p.
36. Bretton H. Political science, language and politics // Language and Politics / Ed. by J. O'Barr and W. O'Barr. The Hague: Mouton, 1976. 506 p.
37. Chandra K. Constructivist Theories of Ethnic Politics. N. Y.: Oxford University Press, 2012. 500 p. DOI: 10.1093/acprof:oso/9780199893157.001.0001.
38. Ginsburgh V., Weber S. The Economics of Language // Journal of Economic Literature. 2020. Vol. 58(2). P. 348–404. DOI: 10.1257/jel.20191316.
39. Kamwangamalu N. M. Language Policy and Economics: The Language Question in Africa. L.: Palgrave Macmillan UK, 2016. 232 p.
40. Languages in a globalising world / Ed. by Maurais J., Morris M. A. Cambridge etc.: Cambridge univ. press, 2003. 335 p.
41. Sciortino G. A single societal community with full citizenship for all: Talcott Parsons, citizenship and modern society // Journal of Classical Sociology. 2010. Vol. 10(3). P. 239–259. DOI: 10.1177/1468795X1037171.

42. May S. *Language and Minority Rights: Ethnicity, Nationalism and the Politics of Language*. Routledge, 2012. 448 p.

43. Spolsky B. *Language Policy*. Cambridge, New York, Melbourne: Cambridge University Press, 2004. 250 p.

44. Woolard K. A. *Singular and Plural: Ideologies of Linguistic Authority in 21st Century Catalonia*. N. Y.: Oxford University Press, 2016. 365 p. DOI: 10.1093/acprof:oso/9780190258610.001.0001.

Получено редакцией: 15.08.25

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРАХ

Денисова Галина Сергеевна, доктор социологических наук, профессор, профессор кафедры отечественной истории XX–XXI веков

Клименко Людмила Владиславовна, доктор социологических наук, доцент, профессор кафедры экономической социологии и регионального управления

DOI: 10.19181/vis.2026.17.1.7

The Russian Language in the Multi-Ethnic Regions of Southern Russia in Expert Narratives: The Societal Dimension¹

Galina S. Denisova

Southern Federal University, Rostov-on-Don, Russia

gsdenisova@sfedu.ru

ORCID: 0000-0002-3671-9602

Lyudmila V. Klimenko

Southern Federal University, Rostov-on-Don, Russia

lvklimenko@sfedu.ru

ORCID: 0000-0001-7696-7830

For citation: Denisova G. S., Klimenko L. V. The Russian language in the multi-ethnic regions of Southern Russia in expert narratives: the societal dimension. *Vestnik instituta sotziologii*. 2026. Vol. 17. No. 1. P. 130–155. DOI: 10.19181/vis.2026.17.1.7; EDN: BWVLRC.

Abstract. The relevance of the article's topic is explained by contemporary geopolitical challenges to the consolidation of Russian multi-ethnic and multi-confessional society, on the one hand, and the insufficiently high symbolic value of the achieved Russian–national bilingualism as a crucial mechanism for this consolidation, on the other. The methodological basis of the study is T. Parsons' concept of the societal subsystem of society and the constructivist approach to language developed by V. Tishkov. The article is based on the results of analyzing in-depth interviews with representatives of the expert community involved in the implementation and evaluation of language policy in four republics of Southern Russia (Kabardino-Balkaria, Adygea, Dagestan, and Kalmykia). Their populations are characterized by multi-ethnic composition, varying qualitative states of national languages, and simultaneously, the widespread use of the Russian language.

It was revealed that all experts recognize the pragmatic functions of the Russian language and, above all, its function as a lingua franca for intercultural communication in a multi-ethnic environment; the dominant role of the Russian language in all spheres of socio-economic life; the prevalence of the Russian language in communication among the youth of all nationalities in the republics under consideration; and the population's perception of the expansion of the Russian language's function to a societal scale. Nevertheless, the dominant narrative for the majority

¹ **Acknowledgments.** The research is supported by the grant of the Russian Science Foundation No. 25-28-00703.

of experts is concern about the state of national languages, their narrowed reproduction, and lack of competitiveness in everyday life. At the same time, the role of the Russian language is not reflected upon by most experts in the context of ensuring a unified civilizational space for Russia. The stereotypical perception of the Russian language as a lingua franca obscures the historical result – the achieved binary ethnic identity for the vast majority of the population of Southern Russia. This became possible due to the semantic commonality of the languages of the peoples of Russia, which reflects the commonality of cultures of Russian peoples and manifested itself through the role of the Russian language in the development of national languages. This role can be defined as societal. Without its conscious cultivation, the identificational function of the Russian language narrows and is reduced to constructing the political (civil) aspect of Russian identity, which reproduces the differentiation of an individual's identity into ethnic as "internal," "native," and civic (Russian) as "external."

Keywords: language policy, Russian language, national language, societal functions, civilization, multi-ethnic region, South of Russia

References

1. Arefyev A. L. The Russian Language at the Turn of the 21st Century. Moscow, Tsentr sotsialnogo prognozirovaniya i marketinga, 2012: 482 (in Russ.). EDN: QJYFRW.
2. Alpatov V. M. Language Policy in Modern World. *Nauchnyj dialog*, 2013: 5(17): 8–28 (in Russ.). EDN: QCQEDN.
3. Anderson B. Imaginary communities. Reflections on the origins and spread of nationalism. Transl. from Eng. by V. Nikolaeva. Moscow, Kuchkovo pole, 2016: 416 (in Russ.).
4. Arutyunova E. M. Russian Language in Russian Identity: Theoretical Approaches and Current Context. *Sociologicheskaya nauka i socialnaya praktika*, 2021: 9: 1: 111–123 (in Russ.). DOI: 10.19181/snsp.2021.9.1.7876; EDN: YZKGMB.
5. Astafieva O. N., Kozlovtsseva N. A. State policy in the sphere of the Russian language in the context of the Russian world. *Znanie. Ponimanie. Umenie*, 2017: 3: 122–139 (in Russ.). DOI: 10.17805/zpu.2017.3.10; EDN: ZHJOQD.
6. Bart R. Pisat' – neperehodnyi glagol? In Sistema mody: Stat'i po semiotike kultury [Is writing an intransitive verb? In The fashion system: Articles on the semiotics of culture]. Transl. from Fr. S. N. Zenkina Moscow, Izd-vo im. Sabashnikovyh, 2003: 512 (in Russ.).
7. Bauman Z. Myslit sotsiologicheski: uchebnoe posobie [Thinking sociologically]. Transl. from Eng. by A. F. Filippova. Moscow, Aspekt Press, 1996: 255 (in Russ.).
8. Bublikov V. V., Varshaver E. A., Stepanov V. V. Deconstructing the Census: Comments and Reflections. *Etnograficheskoe obozrenie*, 2023: 4: 212–242 (in Russ.). DOI: 10.31857/S0869541523040097; EDN: HJPWVK
9. Gabdrafikova G. F., Alos-i-Font E. On the Issue of Recording Ethnicity and Language Proficiency in the 2020–2021 All-Russian Population Census. *Sotsiologicheskie issledovaniya*, 2024: 1: 28–39 (in Russ.). DOI: 10.31857/S0132162524010032; EDN: KGNWVK.
10. Gellner E. Natsii i natsionalizm [Nations and nationalism]. Transl. from Eng. by T. V. Berdikova, M. K. Tyunkina; ed. by I. I. Krupnik. Moscow, Progress, 1991: 320 (in Russ.).
11. Girts K. Interpretation of cultures. Transl. from Eng. Moscow, ROSSPEN, 2004: 560 (in Russ.).
12. Gorshkov M. K., Tyurina I. O. Consolidation of the Russian society under contemporary challenges: Social-historical and value context. *Vestnik RUDN. Sotsiologiya*, 2023: 23(4): 720–739 (in Russ.). DOI: 10.22363/2313-2272-2023-23-4-720-739; EDN: FQZJXO.
13. Denisova G. S., Ulanov V. P. Russkie na Severnom Kavkaze: analiz transformatsii sotsio-kulturnogo statusa [Russians in the North Caucasus: analysis of the transformation of sociocultural status]. Rostov-on-Don, RGPU, 2003: 350 (in Russ.). EDN: QPMFFB.
14. Dzhabrailov Yu. D. Identity politics in Russia: ethno-religious and linguistic aspects (on the example of the Republics of the North Caucasus Federal District). *Makhachkala, RCEI DFIC RAN, Alef*, 2023: 220 (in Russ.). DOI: 10.33580/9785002123698; EDN: BVRSIE.
15. Drobizheva L. M., Ryzhova S. V. All-Russian identity in the sociological dimension. *Vestnik rossijskoj natsii*, 2021: 1-2(77-78): 39–52 (in Russ.). EDN: HAGVQK.

16. Zadorin I. V., Podobed I. V. Russian language in northern Eurasia: political and demographic factors of its distribution and usage. *Politiya: Analiz. Hronika. Prognoz (Zhurnal politicheskoy filosofii i sociologii politiki)*, 2020: 3(98): 136–164 (in Russ.). DOI: 10.30570/2078-5089-2020-98-3-136-164; EDN: CLNNQT.
17. Index of the position of the Russian language in the world: global competitiveness index (GC-Index), sustainability index in the countries of the post-Soviet space (US-Index). Vol. 3. Ed. by Yu. Kamyshevoy. Moscow, GIRYa im. A. S. Pushkina, 2023: 70 (in Russ.).
18. The institutional, historical and cultural framework of the formation of the All-Russian identity in the North Caucasus. Ed. by V. A. Avksentiev, M. M. Shulga. Rostov-on-Don, YUNC RAN, 2022: 224 (in Russ.). EDN: EGFWIA.
19. Kobakhidze E. I., Tuaeve B. V. The Russian language in socio-cultural transformations in the North Caucasus (the second half of the 19th – early 20th centuries). Vladikavkaz: SOIGSI VNTs RAN, 2023: 312 (in Russ.). EDN: ACZKDB.
20. Lapin N. I. Sociocultural Approach and Societal-Functional Structures. *Sotsiologicheskie issledovaniya*, 2000: 7: 3–12 (in Russ.). EDN: SYRCZN.
21. National policy in Russia: the possibility of implementing foreign experience. Ed. by Yu. G. Volkov. Moscow, SGZ, 2016: 318 (in Russ.). EDN: UUXWRI.
22. Pain E. A., Mizhit-Dorzhu V. Sh. The Policy of Preserving Linguistic Diversity in Russia: Declared Goals and Real Practice in the Republics of Southern Siberia. *Mir Rossii. Sotsiologiya, Etnologiya*, 2024: 33: 4: 66–93 (in Russ.). DOI: 10.17323/1811-038X-2024-33-4-66-93; EDN: ILNQVH.
23. Parsons T. The system of modern societies. Transl. from Eng. by L. A. Sedov, A. D. Kovalev; ed. by M. S. Kovalev. Moscow, Aspekt Press, 1998: 270 (in Russ.).
24. Pierce C. S. Selected philosophical works. Transl. from Eng. by K. Golubovich, K. Chukhrudidze, T. Dmitriev. Moscow, Logos, 2000: 448 (in Russ.).
25. Saussure Ferdinand de. Kurs obshchei lingvistiki [General Linguistics Course]. Transl. from the Fr. by A. M. Sukhotin. Ed. by R. I. Shor. Moscow, Editorial URSS, 2004: 256 (in Russ.).
26. Sushchiy S. I. Russians in the Republics of the North Caucasus – frontiers of geodemographic retreat (the first half of the 21st century). *Demograficheskoe obozrenie*, 2017: 4(3):115–140 (in Russ.). EDN: ZWLDBR.
27. Tishkov V. A. Language Situation and Language Policy in Russia (Revising Categories and Practices). *Polis. Politicheskoe issledovaniya*, 2019: 3: 127–144 (in Russ.). DOI: 10.17976/jpps/2019.03.08; EDN: ZHDGFV.
28. Tishkov V. A. On Rewriting Peoples, or Deconstructing Population Censuses. *Etnograficheskoe obozrenie*, 2023: 4: 183–211 (in Russ.). DOI: 10.31857/S0869541523040085; EDN: HJKIZH.
29. Trotsuk I. T. Parsons’ “Societal Community” in G. Sciortino’s Theoretical and Empirical Interpretation. *Sotsiologicheskoe obozrenie*, 2024: 23: 204–230 (in Russ.). DOI: 10.17323/1728-192x-2024-2-204-230.
30. White L. A. Symbol: The beginning and basis of human behavior. In An anthology of cultural studies. The symbolic field of culture. Trans. from Eng. E. M. Galakhov et. al. St. Petersburg, Centr gumanitarnykh iniciativ, 2011: 173–188 (in Russ.).
31. Foucault M. Slova i veshchi: Arheologiya gumanitarnykh nauk [Words and things: The Archaeology of the Humanities]. Transl. from Fr. V. P. Vizgin, N. S. Avtonomova. Moscow, Progress, 1977: 488 (in Russ.).
32. Hobsbawm E. Are All Tongues Equal? Language, culture, and national identity. *Logos*, 2005: 4(49): 49–59 (in Russ.). EDN: XHKEVT.
33. Yachin S. E. Yazyk kak osnovanie i universalnaya model’ kultury [Language as a foundation and universal model of culture]. *Gosudarstvo, religiya, cerkov’ v Rossii i za rubezhom*, 2010: 1: 14–34 (in Russ.). EDN: MQIXEL.
34. Alexander J. C., Sciortino G. On choosing one’s intellectual predecessors: The reductionism of Camic’s treatment of Parsons and the institutionalists. *Sociological Theory*, 1996, 14(2): 154–171. DOI: 10.2307/201904.
35. Annamalai E. Managing Multilingualism in India: Political and Linguistic Manifestations. New Delhi, Thousand Oaks, 2001; London, Sage, 2001: 240.

36. Bretton H. Political science, language and politics. In *Language and Politics*. Ed. by J. O'Barr, W. O'Barr. The Hague: Mouton, 1976: 506.
37. Chandra K. *Constructivist Theories of Ethnic Politics*. New York, Oxford University Press, 2012: 500. DOI: 10.1093/acprof:oso/9780199893157.001.0001.
38. Ginsburgh V., Weber S. The Economics of Language. *Journal of Economic Literature*, 2020: 58(2): 348–404. DOI: 10.1257/jel.20191316.
39. Kamwangamalu N. M. *Language Policy and Economics: The Language Question in Africa*. London, Palgrave Macmillan UK, 2016: 232.
40. *Languages in a globalising world*. Ed. by J. Maurais, M. A. Morris. Cambridge etc., Cambridge univ. press, 2003: 335.
41. Sciortino G. A single societal community with full citizenship for all: Talcott Parsons, citizenship and modern society. *Journal of Classical Sociology*, 2010: 10(3): 239–259. DOI: 10.1177/1468795X1037171.
42. May S. *Language and Minority Rights: Ethnicity, Nationalism and the Politics of Language*. Routledge, 2012: 448.
43. Spolsky B. *Language Policy*. Cambridge University Press, 2004: 250.
44. Woolard K. A. *Singular and Plural: Ideologies of Linguistic Authority in 21st Century Catalonia*. New York, Oxford University Press, 2016: 365. DOI: 10.1093/acprof:oso/9780190258610.001.0001.

The article was submitted on: August 15, 2025

INFORMATION ABOUT THE AUTHORS

Galina S. Denisova, Doctor of Sociological Sciences, Professor, Professor of the Department of National History of the XX-XXI Centuries

Lyudmila V. Klimenko, Doctor of Sociological Sciences, Associate Professor, Professor of the Department of Economic Sociology and Regional Management